

18+

*Девочка,
которой не было*

МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

**Гаянэ Мацейчик
Ольга Макарова
Виктория Данген
Екатерина Зорина
Арина Остромина
Ольга Слауцкая
Анна Платунова
Рената Роз
Ольга Лисенкова
Виктор Зорин**

Девочка, которой не было. Мистические истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24121460

ISBN 9785448519345

Аннотация

Предлагаем вашему вниманию сборник «Девочка, которой не было»: десять мистических историй о жизни и смерти, верности и мести, злодеяниях и надежде, вдохновленных загадочными фотографиями с девочкой из Красноярска.

Содержание

По ту сторону светописи	6
Месье Фламбар	7
Сундук с фотографиями	24
Котенок	38
I	39
II	42
III	45
Разговоры с Элизабет	51
Разговор первый	51
Разговор второй	55
Разговор третий	60
Разговор четвертый	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Девочка, которой не было

Мистические истории

Авторы: Лисенкова Ольга, Роз Рената, Макарова Ольга, Данген Виктория, Зорина Екатерина, Остромина Арина, Слауцкая Ольга, Мацейчик Гаянэ, Платунова Анна, Зорин Виктор

Редактор, составитель сборника Ольга Лисенкова

Дизайнер обложки Рената Роз

Корректор Ольга Лисенкова

© Ольга Лисенкова, 2017

© Рената Роз, 2017

© Ольга Макарова, 2017

© Виктория Данген, 2017

© Екатерина Зорина, 2017

© Арина Остромина, 2017

© Ольга Слауцкая, 2017

© Гаянэ Мацейчик, 2017

© Анна Платунова, 2017

© Виктор Зорин, 2017

© Рената Роз, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-1934-5

По ту сторону светописи

Вступительное слово

В Красноярском краеведческом музее обнаружилась удивительная находка – фотографии города начала XX века, на которых появляется девочка. В чем загадка? Снимки относятся к 1906—1908 годам, а девочка как будто не меняется. Она не выглядит счастливой: ее лицо искажено гримасой то ли недовольства, то ли страдания. Фотограф неизвестен, хотя на некоторых карточках встречается аббревиатура «Ф.Е.А.» – возможно, это инициалы автора

Фотографии можно найти в Интернете.

Таинственная девочка запала мне в душу, и я предложила друзьям попробовать разгадать ее загадку. Каждый подошел к вопросу по-своему, и теперь перед вами этот сборник – десять мистических историй о жизни и смерти, верности и месть, злодеяниях и надежде.

Какая из них понравится вам? Или вы предложите свою версию?

Ольга Лисенкова

Месье Фламбар

Рената Роз

Они были прекрасны, портреты дам, юных и не очень, выставленные в витрине фотографического заведения месье Фламбара. Изящные позы и пышные платья, воздушные локонь, кружева и шелк. Взгляды, задумчивые или надменные, томно опущенная кисть, сжимающая веер, нежная кожа словно излучает свет. Красота, более воздушная и утонченная, чем в жизни.

– Mademoiselle желает заказать портрет?

Она вздрогнула и смешалась под пристальным взглядом черных глаз. Добрый день, месье, нет, месье, она просто разглядывала фотографии, такие чудесные портреты, до чего же красивы эти барышни.

Месье Фламбар просто душа. У него длинные черные ресницы и тонкие аккуратные усики, и одевается он по последней парижской моде, все барышни в старших классах от него без ума. Иногда она видит его на улицах города: он шагает решительной походкой, и ветер развеивает черные локонь и полы пальто. И он всегда так любезен и приветлив... Вот и дядя говорит, что месье Фламбар просвещенный человек, человек прогресса и будущего, и даже Географическое общество приняло его в свои ряды за сделанные им панора-

мы города и реки.

Конечно, ей очень бы хотелось иметь фотографический портрет, но что скажет дядюшка, вряд ли он одобрит такое самовольство, ведь это, должно быть, очень дорого...

Черные глаза сверкают озорным блеском, он словно читает ее мысли. Он говорит слова, от которых кровь приливает к щекам, а в груди вспыхивает маленький костер.

Мадемуазель очаровательна, ее красота – это нежная и скромная прелесть лесного цветка. Он сделает ее портрет бесплатно, из любви к искусству, и еще потому, что такую свежую и невинную красоту просто грех не запечатлеть, а какой будет *surprise*, когда она поднесет готовый портрет своим родным!

Она сама не замечает, как дает себя уговорить, заходит внутрь, словно зачарованная его голосом.

– Позвольте ваш зонтик и пальто, вот сюда, *s'il vous plaît*...

Через тесную приемную он ведет ее в просторный павильон. Она входит, робко озираясь, и павильон фотографа кажется ей сказочным миром, в котором есть что-то от театра с его иллюзорным и сладостным волшебством. Дневной свет струится из больших, до потолка, окон, и в этом свете купается разнообразная, с резьбой и позолотой, мебель: там диван, тут пузатый стул на гнутых ножках и круглый столик; итальянский пейзаж во всю стену с холмами и оливковой рощицей, перед ним – громоздкий фотографический аппарат на тяжелом треножнике, полускрытый плотным черным по-

крывалом. Она подходит, чтобы рассмотреть камеру вблизи.

– Знаете ли вы, что это? Это, мадемуазель, чудо человеческого гения. В этом ящике свет превращается в образ, мгновение – в вечность. Мечта немецкого поэта исполнилась, мгновенье теперь можно остановить!

А знает ли мадемуазель, как устроено это чудо техники? О нет, он не станет утомлять ученой лекцией ее хорошенькую головку. Он только хочет сказать, что этот ящик – маленькая модель мироздания. Свет отражается от предметов и попадает внутрь, как вглубь человеческого глаза, создавая изображение. Так же и небесный свет проливается в наш земной мир, создавая изображение предметов, кои суть – лишь отражение нематериальных идей, и весь наш мир – не более чем космическая *chambre noire*, камера обскура, о чем знали еще древние греки, верившие в тайное учение Пифагора.

– Но я вас утомил, вижу по этой морщинке между бровей! Мы, фотографы, – люди увлеченные и можем часами болтать о своей *passion*. *Mademoiselle* не сердится? *Pardonnez-moi!* Вы меня прощаете?

Он прижимает руку к груди и смотрит на нее с комичным раскаянием; его темные, почти черные глаза горят таким ярким огнем, что ей становится жарко. Если бы взглядом можно было зажигать, она бы вспыхнула, как спичка. Разве может она на него сердиться?

Он подводит ее к креслу с высокой изогнутой спинкой.

Позади тяжелая портьера спадает красивыми складками. Она неловко садится: сиденье жесткое и неудобное, в таком кресле не откинешься назад, оно заставляет держать спину прямо.

Месье Фламбар передвигает камеру и ныряет под покрывало. Какой портрет предпочитает мадемуазель? Миньон, бижу, облонг, будуар, на платиновой бумаге, белой, матовой, с отделкой черным итальянским карандашом? Кабинет-портреты нынче *de bon ton*! В изящном паспорту серого цвета или бордо, это будет *riquant*, ведь бордо – цвет красного вина и спелой вишни, для дам, знающих себе цену, цвет изысканной терпкой сладости, соблазна и зрелости. Но для столь юной барышни лучше подойдет мягкий белый, не белоснежный, а цвет слоновой кости или взбитых сливок, он милее глазу, чем белоснежный, *n'est-ce pas*?

Пока он говорит, руки его находятся в непрерывном движении, и весь он подвижный и юркий, как ртуть, то скрывается под покрывалом, то выныривает, что-то подкручивая и настраивая в таинственном аппарате. Его акцент пленителен, а голос журчит медовым ручейком, она не понимает и половины из того, что он говорит, но это неважно. Она захвачена таинством, которое вот-вот свершится.

Он говорит что-то про мимолетную красоту, про нежную кожу и цветение первой молодости, и про то, что эта красота будет вечно сиять с фотографии, даже когда ее черты увянут и поблекнут. Светопись – это единственный эликсир моло-

дости, доступный людям, единственная доступная нам вечность. На миг ей становится не по себе, потому что она видит себя постаревшей, с дряблой обвисшей кожей, и страх сжимает сердце ледяным кольцом. Но ведь это будет нескоро, говорит она себе, у нее еще целая жизнь впереди.

Она ерзает на неудобном сиденье, пытается принять элегантную позу, но чувствует себя вовсе не роковой красавицей, а неуклюжей и неловкой гимназисткой. Неужели месье Фламбар и правда считает ее красивой? Он подходит и указательным пальцем нежно приподнимает ее подбородок. Вот так, *très bien!*

– *Attention, mademoiselle!* – его голос звучит торжественно и серьезно. – Сейчас отсюда вылетит птичка!

Он снимает крышку с объектива, достает из жилетного кармана часы и смотрит на циферблат. Проходят секунды, сердце взволнованно отсчитывает удары.

– *C'est bon, готово!* – провозглашает месье Фламбар, возвращая крышку на место, а часы в карман. Он подает ей руку, помогая подняться. От долгого сиденья в неудобном кресле ноет спина, но она не подает вида. Когда будет готов ее портрет?

О, мадемуазель не терпится увидеть результат, и ему очень понятно это нетерпение! Но не желает ли она своими глазами увидеть, как совершается волшебство? Он будет счастлив продемонстрировать ей процесс. Вот в этой кассете, которая вставляется в камеру, находится чувствительная

пластина, и отраженный свет уже оставил на ней свой рисунок. Но дневной свет разрушит его. Таинство проявления, как и любое таинство, совершается в полной темноте.

Неприметная, скрытая за портьерой дверь ведет из павильона в каморку без окон. В нос ударяет резкий своеобразный запах.

— Это моя лаборатория, святая святых. Заходите, только осторожно. Сейчас я зажгу фонарь.

Куда-то пропал его французский акцент. Она едва успевает удивиться этому, как дверь каморки захлопывается, отрезая ее от свободы и света.

Дверной колокольчик издает легчайший звон, нежный и печальный. Шаги ее легки, и половицы не издают ни единого скрипа. Она движется беззвучно, как тень, как дуновение прохладного ветра, ворвавшегося в приоткрытое окно; он развевает шторы, перебирает бумаги на столе. Шелест штор? Нет, это шелестит ее платье.

Она заходит в его спальню. Встает рядом с кроватью. Стоит долго, неподвижно. Смотрит пристально из-под нахмуренных бровей. Где мой портрет, месье Фламбар, где вы его прячете?

Он хочет закричать, но не в силах издать ни звука: горло словно сдавила невидимая веревка. И хотя он мысленно кричит и мечется, тело его неподвижно, сковано ужасом, зажато стальными тисками страха.

Месье Фламбар просыпается резко и внезапно, с бешеным стуком в груди, ночная рубашка прилипла к телу. Его разбудил какой-то звук, негромкий, но тревожный. Сквозь шторы сочится призрачный утренний свет. Слава Богу, ночь с ее кошмарами позади. Но звук, услышанный сквозь сон, все еще отзывается эхом в памяти. Что же это было? Кажется, звук раздавался из кабинета. Он был похож на...

Месье Фламбар встает и быстрыми шагами идет по узкому коридору. В кабинете повсюду видны следы вчерашнего труда. Рамка для печати оставлена на столе, тут же свалены грудой журналы и папки с бумагами. Все в точности так, как было вчера, когда он покинул кабинет. Вот только левый ящик под столешницей выдвинут. Тот самый, куда он спрятал ее портрет. Трясущимися руками он выдвигает ящик, разгребает бумаги и всякий хлам, нащупывает двойное дно, вытаскивает незаметный гвоздик.

Пусто. Ящик с грохотом падает, содержимое летит на пол, месье Фламбар яростно вырывает фальшивое дно, чтобы убедиться в том, о чем и так уже знает: портрет пропал. Исчез. Украден. Но кем? Кто мог знать о его тайне? Это невозможно, непостижимо, но кто-то пробрался в его дом под утро, чтобы выкрасть портрет. Он не будет об этом думать. Если он начнет об этом думать, то непременно сойдет с ума.

Свет и вечность. Месье Фламбар сказал, что они связаны, и еще много всего говорил, чего она не поняла. Она не знает, что такое вечность. Это красивое слово, только вот что оно

означает? Может быть, вечность – это черно-белый двухмерный мир? Ведь на фото она не постареет, навсегда останется молодой. Не это ли имел в виду месье Фламбар? Светопись. Единственный эликсир бессмертия, доступный людям.

Семейный альбом заполнен едва ли на четверть. Обложка отделана красным бархатом и по углам скреплена железными заклепками, чтобы бархат не истрепался. Вот портрет дяди в парадном мундире, тут он серьезный, импозантный, совсем не такой, как в жизни. Вот сама она, совсем еще кроха, сидит на коленях у матери, вся в кружевах и оборочках. Тогда мама еще была жива, хотя тень близкой смерти уже упала на ее милое лицо, залегла в темных кругах под глазами. Альбом только что пополнился новой фотографией: незнакомая красавица с ее чертами. Серьезный взгляд из-под черных бровей, бархатная кожа, длинная коса перекинута через плечо. Эта барышня похожа на нее и в то же время не похожа. Слишком воздушная, слишком невинная. Папиросная бумага ложится сверху туманной дымкой. В самом низу, на сером картоне, затейливый вензель и три буквы: «А.Е.Ф.».

Время не подчиняется больше никаким законам, оно не бежит и не тянется. Минуты и дни перелистываются, как листы в альбоме: то по одному, но по несколько за раз. Время высвечивает события, словно магнелийской лампой. Яркая вспышка, и сцена озаряется светом, проступают из темноты предметы.

Проступает светлый прямоугольник двери. Месье Флам-

бар стоит у стола с деревянной рамкой в руках. За работой он насвистывает веселый французский мотивчик. Осторожно извлекает из рамки готовую, еще влажную фотографию; разглядывает ее, держа перед собой на вытянутых руках. На фотографии величественное здание собора вонзает крест в облака. Месье Фламбар доволен: долгие часы он провел на площади перед собором, экспериментируя с композицией и выдержкой. Она наблюдала за ним, а он ее не заметил.

Что-то на фотографии привлекает его внимание. Он щурится, подносит снимок к глазам. Внезапно свист обрывается. Слышится судорожный вздох. Кажется, что месье Фламбар превратился в соляной столб. Он стоит у окна и смотрит прямо перед собой, но что он видит? Не залитый солнцем двор и не бледное апрельское небо. Он видит то, чего быть не могло и не может.

Негативы, осеняет его, у него есть проявленные негативы! Он выбегает из кабинета и вскоре возвращается обратно, неся стопку стеклянных пластинок. Подходит к окну, трясущимися руками подносит к глазам первую пластинку. Резко и четко проступает белый контур величественного здания на фоне темного неба. И вот оно: темное пятнышко в самом низу. Слишком размытое и нечеткое, чтобы можно было с уверенностью распознать в нем человеческую фигуру. Это может быть блик или дефект. Но вот то же пятно на другом негативе, и теперь сомнений быть не может. Это очертания девичьей фигурки в вывернутых наизнанку тонах: тем-

ное пальто, светлая шляпка, белая полоса слева на темном пальто – это коса. И глаза – как две белые вспышки. Она повсюду, на всех отснятых пластинках. И он знает: стоит распечатать фотографии, и он увидит ее сумрачно сдвинутые брови и пристальный взгляд, направленный прямо на фотографа.

Рука бессильно опускается, пластинка разлетается на мелкие осколки. Месье Фламбар, шатаясь, идет по кабинету и опускается на диван. Прячет лицо в ладонях. Плечи трясутся, странные звуки вырываются из горла фотографа. Что это: смех или плач? Внезапно он замирает. Легкий шорох, раздавшийся за спиной, заставляет его содрогнуться всем телом.

– Кто здесь?

В доме притаилась невидимая опасность. Нечто невыразимое и необъяснимое, от чего у него волосы встают дыбом. Кто-то наблюдает за ним, хочет свести его с ума. Месье Фламбар хватается переносную камеру, штатив, кассету с пластинками и кидается вон. Он идет быстрым шагом к реке, не глядя по сторонам, не отвечая на приветствия. Чья-то рука бесцеремонно хватается его за рукав. Он оборачивается и утыкается взглядом в пышные усы. Физиономия кажется смутно знакомой: наверняка кто-то из заказчиков. Месье, вы слышали, что случилось? Как, вы еще ничего не знаете? Ужасное несчастье! Пропала племянница аптекаря, третий день как ищут. Предполагают, что она упала с моста в воду,

а тело унесло течением. Какое горе для родных! Она ведь сирота, вы знаете... Мать умерла от чахотки, отец скончался еще раньше, дядя взял ее к себе и воспитывал как родную дочь, а тут такое горе... Но вы, я слышал, работаете над новым проектом? Удались ли вчерашние снимки? Когда можно будет на них взглянуть? Ну что ж, вижу, вы заняты, не буду вам мешать.

Усатый чиновник наконец-то выпускает его локоть, и месье Фламбар с облегчением продолжает свой путь, более похожий на бегство. Установив камеру на берегу у моста, он пытается работать, но мысли уносятся к ней, и тогда он вздрагивает и оглядывается в поисках знакомой фигуры в пальто и шляпке. Работа не ладится, и пластинка наверняка испорчена, к тому же из-за реки надвигается на город темная дождевая туча, и ему ничего не остается, как вернуться домой. Придя, он вешает на дверь табличку: «Закрето».

Ночью месье Фламбар не спит. Он лежит в постели и ждет. И то, чего он ждет, происходит, как происходило в прошлую и позапрошлую ночь. В ночной тишине мелодично звенит дверной колокольчик. Этого не может быть, потому что дверь заперта, он сам запер ее сегодня вечером. В доме тихо, не скрипят половицы, и никто чужой не мог сюда проникнуть. Но он знает, что не один в комнате. Широко раскрытыми глазами он таращится в угол спальни, где тень особенно густа. Там что-то едва различимо белеет. Уж не белое ли платье? И вот ему уже кажется, что он различает кон-

туры тела, очертания головы и темные провалы глаз. Я схожу с ума, думает он. Нужно бежать отсюда. Да, он уедет завтра – или уже сегодня? – утренним поездом, решено!

Едва за окнами забрезжил рассвет, как месье Фламбар уже на ногах. Нужно взять лишь самое необходимое, но что необходимо? Одежда вытащена из шкафов и грудой свалена на постель, чемоданы наполняются быстро, но ведь нужно еще упаковать оборудование... Мысли путаются, на месье Фламбара наваливается чудовищная усталость. Нужно бросить к черту все барахло, все оставить и уходить. Но нет сил пошевелиться. Он падает на постель, прямо на грудь одежды, и засыпает.

Его будит громкий и настойчивый стук в дверь. Месье Фламбар проснулся, но затаился и ждет, он не желает никого видеть. Однако назойливый посетитель не уходит, входная дверь сотрясается под ударами кулака.

– Откройте, или я выломаю дверь! – доносится грозный голос, и месье Фламбар понимает, что это не пустая угроза. Он отпирает замок, дверь тут же отлетает в сторону, и на пороге возникает маленький круглый человечек. Уж не тот ли это аптекарь из аптекарского магазина, что рядом с Торговым домом? Но что-то странное случилось с добряком аптекарем, всегда таким тихим и обходительным. Его словно подменили: щеки гневно раздуваются, глаза мечут молнии. Оттеснив плечом хозяина, человечек врывается в прихожую.

– Что вам угодно? Я болен! – протестует месье Фламбар.

– Потрудитесь объяснить, месье фотограф, откуда взялась эта фотография?!

Аптекарь сует ему под нос фотографическую карточку. Один взгляд, и месье Фламбар мгновенно узнает пропавший портрет.

– Я не... – хрипит он. – Не понимаю... Я не знаю...

Месье Фламбар бледен как полотно. Он пытается что-то сказать, но горло словно сдавила невидимая рука.

– Что вы мямлите? Когда вы сделали этот снимок? Моя племянница была у вас? Отвечайте! Моя жена нашла этот снимок в семейном альбоме, на ней то же платье, что было в тот день, когда она...

Аптекарь всхлипывает, обвисшие щеки трясутся, но он тут же берет себя в руки.

– Где она? Где моя племянница? Она здесь? Что вы молчите, язык проглотили? Вот что, сударь, я намерен обыскать ваш дом. Прочь с дороги!

С отчаянной решимостью аптекарь устремляется в глубь дома. С грохотом распахиваются двери жилых комнат. Фотограф застает его в спальне: аптекарь молча озирает разбросанные в беспорядке вещи и раскрытые чемоданы, и кажется, это лишь укрепляет в нем подозрения. Тяжелым вихрем он проносится мимо хозяина, грохочет по коридору, и вот уже его голос раздается из павильона:

– Ася! Асенька! Ты здесь?

Вот, значит, как ее звали, а он и не знал. Месье Флам-

бар с трудом поспевает за посетителем: к его ногам словно подвешены чугунные гири. Аптекарь мечется по павильону, срывает драпировку, заглядывает за портьеры, натывается на дверь, ведущую в лабораторию, дергает за ручку, но дверь не поддается.

– Что за этой дверью? – грозно спрашивает аптекарь.

– Фотолаборатория, посторонним туда нельзя, – холодно отвечает месье Фламбар.

– Сейчас же отоприте!

– И речи быть не может. Там хрупкие принадлежности и реактивы, и вообще, кто дал вам право врываться сюда и устраивать обыск?

Но тут взгляд его застывает, обращенный на что-то за спиной аптекаря. Лицо искажается странной зловещей ухмылкой, похожей на оскал. Вы ищете вашу племянницу? Voilà! Вот же она перед вами! В кресле для портретной съемки! Mademoiselle Ася верно желает сделать еще один портрет? Pas de problème, ему это только доставит удовольствие.

Аптекарь озирается в недоумении, лицо его багровеет. Месье фотограф смеется над ним? Глумится над его горем? Но месье Фламбар уже занят делом: он стоит за камерой и крутит колесико настройки.

– Да вы спятили, совсем свихнулись, – говорит потрясенный аптекарь, но месье Фламбар ничего не слышит и не замечает, целиком поглощенный работой. Он видит нечто, доступное ему одному, жестикулирует и разговаривает, обра-

щаяся к кому-то невидимому, кто позирует перед ним, сидя в кресле с высокой спинкой.

Аптекарь исчезает, и больше никто не может им помешать. Мадемуазель сегодня так очаровательна, она еще больше похорошела. Не попробовать ли нам новую позу? Обопритесь вот на этот столик, грудь чуть вперед, рука изящно подпирает подбородок, очень хорошо, просто бесподобно, *magnifique*. Минуточку терпения, мадемуазель, я только подготовлю пластинку!

Месье Фламбар идет к лаборатории, но безотчетный страх заставляет его застыть в нерешительности перед запертой дверью. Через миг широкая улыбка возвращается на его лицо, он ударяет себя ладонью по лбу и бормочет: какой он дурак, ведь он уже подготовил кассету. Кассета в камере, внимание, мадемуазель, не шевелитесь, сейчас вылетит птичка!

Аптекарь и доктор застают фотографа за работой. В коридоре слышны шаги и голоса, дом наполняется людьми. Господа, один момент, мы уже почти закончили! Мадемуазель Ася прекрасно позирует! Ваша племянница очаровательна. А не сделать ли нам еще один портрет в итальянском стиле?

Доктор хмурится и качает головой. Подходит к фотографу, кладет руку ему на плечо. Мадемуазель Аси здесь нет, говорит он. Вы больны, месье Фламбар, вы безумны, я должен доставить вас в больницу. Чушь, отвечает месье Фламбар, я здоров! Его лицо искажается страхом и яростью, когда двое крепких мужиков подхватывают его сзади под лок-

ти и тащат к выходу. Вон же она, неужели вы не видите? Я не сумасшедший! Мадемуазель, да скажите же им!

Куда пропал его французский лоск? Красивые черные волосы, обычно напомаженные и завитые, торчат неряшливой копной. Он исхудал и осунулся. Некогда красивое лицо искажено гримасой страха, он уже не кажется ей красивым, он страшен, безобразен.

– Прощайте, месье Фламбар, – говорит она, провожая его взглядом. В доме меж тем уже идет обыск. Дверь в лабораторию трещит и рушится. Слышится звон бьющегося стекла, затем взволнованный возглас: молодой жандарм появляется на пороге, неся в руках соломенную шляпку и белый зонтик. Несколько человек устремляются внутрь, сапоги хрустят по битому стеклу, принесите фонарь, кричит кто-то, здесь люк в полу.

Но ей нет дела до этой суматохи. Она встает и направляется к выходу. Входная дверь распахнута настежь. Повозка, в которой увозят месье Фламбара, уже скрылась из виду, вдали затихает стук колес. Сумерки опускаются на город. Только что было светло, и вот уже стемнело, а она и не заметила, как это случилось.

Над спящим городом высыпали звезды. И черное небо вдруг кажется ей небесной твердью, твердой перегородкой, отделившей поднебесный мир от потустороннего света, а звезды – это отверстия в ней, сквозь которые свет падает на землю, как падает он сквозь отверстие объектива. Месье

Фламбар прав, мир — это большая камера, закрытый ящик, в который свет попадает через отверстия светил. Но рука небесного фотографа уже снимает крышку, потому что весь имеющийся по ту сторону свет льется неудержимым потоком. Мир теней и полутонов исчезает, и вскоре от него ничего не останется, кроме разве что черно-белых снимков в чем-то старом альбоме, и это единственная доступная вам вечность, месье Фламбар.

Сундук с фотографиями

Ольга Макарова

– Сынок, что ты там искал на чердаке?

– Да просто... Кстати, нашел там очень интересный сундук. Одному мне не снести его вниз, ты поможешь?

– Сундук?

– Ну да, тяжелый такой. Он не открывается.

Мы поднялись на чердак и в углу действительно обнаружили сундук. Дерево от времени потемнело, замок поржавел, но вид он имел крепкий. Мы снесли его вниз и, усевшись на террасе, стали открывать таинственную находку.

Внутри оказалась старая камера, много старых пленок, альбомы и фотографии.

Дети рассматривали карточки. Снимки были качественными. Многие были непонятны: целый альбом фотографий с девочкой в разных местах города, в доме. Возле некоторых были подписи: Варенька у стола, Варенька около моста, Варенька на набережной.

– Пап, кто эта Варенька?

– Хм, не знаю...

– Может, это твоя бабушка?

– Да нет, бабушку Аполлинарией звали. Была еще дочка у нее, но не Варенька, а Мария. Умерла в детстве, ну так в то

время детки часто умирали.

Снимков было много, все не пересмотреть за раз. Тут же лежала тетрадь с записями. Мы решили разобрать записи, вдруг они прольют свет на эти старые фотографии.

Сверху лежало письмо, оно пожелтело, чернила кое-где поблекли, но текст можно было разобрать. Когда мы начали читать, стало понятно, что адресовано оно моему деду Николаю.

«Здравствуйте друг мой, Николай Иванович, прошу вас неотлагательно, как только получите мое письмо, приехать ко мне в Кр-ск. Я знаю, вы любите всякие загадки, непонятные вещи, а именно такое сейчас у нас и происходит. Надеюсь, что ваш приезд поможет мне распутать таинственные события, происходящие в моем доме.

Пока путь ваш далек, я постараюсь немного описать события, предшествующие и, на мой взгляд, имеющие касательство к данным событиям.

Батюшка мой, Владимир Владимирович Л-цкой, был человеком правильным. Служил при *Географическом обществе* и главным долгом своим считал служение отечеству. Женился он на моей матушке по любви и счастливо прожил с нею 17 лет. Матушка моя, Анна Сергеевна, скончалась от быстротечной болезни, оставив на отца мою старшую сестру Катерину и меня, пятнадцатилетнего подростка. Болезнь и кончина матери выбили отца из колеи. Он мало стал бывать дома и все время посвящал работе.

Мы с сестрой были обеспокоены состоянием батюшки, и потому неожиданное известие о его новой женитьбе нас даже обрадовало.

Мачеху нашу звали Мария Александровна, она была молодая и быстро добилась нашего с Катериной расположения. Скоро мы уже звали ее маменька Машенька и любили, как старшую сестрицу. Маменька Машенька была родом из пос. Солонцы. Там у нее был большой дом, и мы часто ездили туда на выходные. Отец в эти дни становился прежним: веселым, добрым и заботливым, и мы с Катериной радовались, как дети.

Известие о том, что у нас будет сестричка или братик, стало меня врасплох. Я был уже слишком взрослым, чтобы радоваться появлению малыша. Но видя, как эта новость радует отца и Машеньку, как мог, проявлял интерес к событию.

Сестричка моя, Варенька, появилась на свет 13 апреля 1899 г. Машенька с папенькой души в ней не чаяли.

Я недолго мог общаться с сестричкой: отец отправил меня на учебу в Москву к родственникам. Катерина оканчивала гимназию и непременно хотела работать.

Малышка Варенька росла.

В мои редкие приезды домой я мало времени проводил с сестричкой. Была она ребенком болезненным, необщительным и крикливым. Машенька очень уставала, няньки у нас не задерживались. Не имея опыта общения с детьми, я не видел в малышке ничего особенного.

Я все реже бывал дома, увлекся фотографией, и дядюшка подарил мне поездку во Францию, дабы я мог продолжить свое изучение фотографии. Я всецело был поглощен новым увлечением. Папенька купил мне Kodak Brownie, и я пропал весь день в городе в поисках удачного кадра или в лаборатории, проявляя пленки и печатая фотографии.

Редкие письма из дома доносили до меня вести от моих родных: Катерина собиралась выходить замуж, папенька работал, Машенька родила мне сестренку Анастасию. Варенька была отправлена в Солонцы, к тетке Аполлинии, сестре Машеньки. Сестра и папенька часто звали меня домой. Но возвращение казалось мне скучным, и я, как мог, оттягивал его, находя разные причины.

Тут, друг мой, я напишу вам пару строк об Аполлинии. Старшая сестра Машеньки вышла замуж рано, муж ее был намного старше. Не могу судить о том, был ли брак счастливым, но единственную дочь Марию в семье любили безумно. Отец в ней души не чаял, а так как был он богат, то девочка не знала ни в чем отказа. Тетушка старалась держать дочь в строгости, но говорили, девочка была своевольная и упрямая. Марыюшка. Летом 1898 года семейство поехало отдыхать в Солонцы. Там произошли события, упоминать о которых в семье было не принято. Марыюшка пропала. Поговаривали, что девочка за что-то обиделась на родителей и убежала из дому. Что доподлинно случилось, так никто и не выяснил, но девочку не нашли ни живой, ни мертвой. Куда мог-

ла пропасть девятилетняя девочка, так и осталось загадкой. Искали и в реке Каче, но следов так и не нашли. Аполлинария отказалась покидать дом в надежде, что Марьюшка вернется, а муж ее не перенес удара и скончался в то же лето. Так что мне не показалось странным, что Вареньку отправили к тетке. Она, должно быть, живой ребенок, и Машеньке тяжело управиться с двумя девочками, а в доме тетки за ней будет достойный присмотр.

Осенью 1905 года Катерина выходила замуж, и я вынужден был вернуться в Кр-ск, чтобы присутствовать на свадьбе сестры. Я не был ранее знаком с ее женихом. Он служил вместе с папенькой и был приятным молодым человеком. Я искренне был рад за сестру.

Я много времени проводил с Катериной, подготовка к свадьбе шла полным ходом. Отец был оживлен и рад, что все мы вместе. Несмотря на предсвадебную суету, эти дни были наполнены радостью и какой-то беззаботностью. Я много фотографировал, делал карточки и проводил время с родными.

Папенька ездил в Солонцы, звал меня с собой, но я всячески отговаривался. Жизнь в городе увлекла меня, я много времени проводил, гуляя по городу и делая снимки. Время изменило город, приятно было пройти по улицам, где бродил мальчишкой. Теплые детские воспоминания я пытался сохранить в фотографии.

После свадьбы молодые жили в доме у Катеринино мужа, и я часто навещал их. Я решил остаться в Кр-ске. По про-

текции папеньки меня взяли на службу. Работа моя была мне не очень интересна, и я подумывал серьезно заняться фотографией. У меня получались неплохие снимки, и меня часто приглашали в гости. Так я встретил Лизоньку. Мою прекрасную Лизу. Она была такая нежная и воздушная, что у меня захватывало дух, пропадал голос. Рядом с ней я, и без того не очень разговорчивый, немел как рыба. Лиза чувствовала меня как никто другой. О, эти счастливые дни! Мы гуляли, жизнь была прекрасна. Я любил Лизоньку, она любила лошадей. Меня она терпела за мое молчаливое обожание. Наше будущее представлялось мне одной большой счастливой картиной: я – отец семейства, моя Лизонька и наши детки – чудесные ангелочки. Всю весну я летал как на крыльях, рисовал радужные картины и лелеял надежду, что Лизонька согласится стать моей женой. Бесконечные фотографии: Лизонька на Арабелле, Лизонька на набережной Енисея, Лизонька в зале...

Все закончилось так же внезапно, как и началось. Во время конной прогулки конь моей Лизоньки понес. Следы его обрывались на берегу реки Качи. Коня нашли ниже по течению, Лизоньку нет... Мир рухнул. Сначала была надежда, что я найду ее. Но чем больше проходило времени, тем скорее надежда таяла, тем более я впадал в отчаяние. Я покинул службу, не выходил из комнаты и забросил даже фотографию.

Отец и Машенька поддерживали меня как могли, но их

визиты мне были болезненны, я закрывался и, ссылаясь на недомогание, весь день проводил в комнате, рассматривая Лизонькины фото. Застывшее счастливое время. Это было ужасно. Вот оно в руках, мое счастье! Вот оно... я то рыдал как безумный, то смотрел в одну точку, сидя на диване в оцепенении.

Не знаю, как бы я выкарабкался, если бы не наш семейный доктор Антон Дмитриевич. Он навещал меня регулярно, поил микстурами и вел длинные пространные беседы. Я долго не вступал с ним в диалог, но постепенно, незаметно для себя, стал с ним разговаривать.

Как-то в разговоре о здоровье папеньки мы коснулись темы моих младших сестер. Антон Дмитриевич удивился, что я – такой наблюдательный, с его точки зрения, молодой человек – не заметил ничего странного в поведении Вареньки. «Ты, конечно, тоже был нелюдим, Владимир, но Варенька... неужели ты не видел ничего?» Я должен был признать, что мало интересовался сестрой. Оказывается, она больна, и была отправлена к тетке не просто потому, что Машеньке тяжело с малышкой. Папенька очень переживает по этому поводу и часто навещает ее в Солонцах. Мне же и в голову не приходило, что за этим стоит. Доктор убедил меня поехать погостить в Солонцы. Навестить сестру и вновь заняться фотографией, сославшись на то, что девочка растет, а фотографий Вареньки у родителей нет.

И вот в разгар лета я, прихватив камеру, поехал в Солон-

цы. Папенька вызвался проводить меня. Мы выехали рано, чтобы не страдать от жары. В доме нас ждали. Тетка Аполлинария, высокая статная женщина, хлопотала на кухне, подгоняя кухарку.

После завтрака я отправился осмотреться. Взяв камеру, я обходил окрестности.

Вернувшись домой, я узнал что папенька срочно уехал в Кр-ск. Я даже обрадовался этому событию, присутствие отца немного нервировало меня.

Варенька оказалась симпатичной девчушкой восьми лет. При первом нашем свидании она насупилась, спряталась за тетушку и, не глядя на меня, что-то невнятно мычала. Тетушка же твердила за нее: «Здравствуйте, братец Владимир». Голос у девочки был низкий, пожалуй, грубоват для ее лет, она смотрела на свои туфли и на мое приветствие никак не отреагировала.

Чем больше времени мы проводили с Варенькой, тем отчетливее я видел, что с девочкой что-то не так. Говорила она немного. Фразы были отточены, всегда одинаковые от первого до последнего слова. Движения резкие, однообразные, походка странная. Я пугался первое время и чувствовал себя неловко, когда она с криком принималась колотить меня или, что еще хуже, себя, если ей что-то не нравилось. Тетушка говорила, что доктора называют это состояние «детское безумие», чем помочь девочке, не знают.

Со временем Варенька привыкла ко мне. Подолгу сиде-

ла рядом со мной, смотрела в одну точку и, казалось, думала о чем-то своем или выкладывала в ряд мелкие предметы на моем столе. В этом своем поведении она напоминала мне меня самого в момент потери Лизоньки.

Тогда я стал рассказывать ей о фотографии, показывал камеру, мы рассматривали сделанные снимки. Варенька узнавала знакомые места и вещи, тетушку, родных. Так мы стали общаться. Я стал делать снимки специально для Вареньки. Стал фотографировать ее возле разных предметов и в разных местах, чтобы девочка могла показать мне карточку, если что-то не могла назвать. Процесс увлек меня. Мы с Варенькой принялись делать альбом с ее снимками, ездили в город и фотографировали ее в разных местах. Варенька радостно воспринимала мои попытки общаться с ней при помощи фотокарточек. Иногда она поднимала на меня свои глаза и мычала: «Владиимир». В этот момент мне разрешалось погладить ее по золотым кудряшкам и не получить кулачками в ответ.

Очередной раз рассматривая с сестричкой фотографии, я услышал, как она протянула: «Мааа».

– Бедняжка, по мамочке скучает, – пробормотала зашедшая в комнату тетушка.

«Мааа», – протянула снова Варенька. Тетка наклонилась над фотографией и вдруг закричала протяжно и испуганно. Я обернулся к ним и увидел бледное, искаженное от ужаса лицо тетушки. Когда она пришла в себя, мне удалось узнать,

что ее так испугало на фотографиях Вареньки.

– Девочка, видишь, тут, вот тут и там, рядом с Варенькой... и вот тут, где мост...

Я посмотрел на фото: ну да, девочка, дети часто попадали на наши с Варенькой фотографии. Но тут, действительно, девочка была одна. Хмурое личико под шляпкой, в руках зонт. На одной из фотографий Варенька совсем рядом с этой девочкой, на другой – как будто показывает на нее рукой.

– Марьюшка... Это Марьюшка, моя Марьюшка.

– Столько лет прошло, тетушка, это не может быть она, это просто похожая на нее девочка.

– Нет, Володенька, это она. Это ее пальтишко и платице. Зонтик вот, муж мой, покойник, подарил ей на именины. Это она, Володенька.

– Как же так, тетушка, девочке тут лет 9—10, не больше...

– Это она, – твердила взволнованная тетушка.

– Марьюшка, – вдруг четко сказала Варенька и, улыбаясь, указала на девочку с фотографии.

Я находился в странном волнении, тетушка, конечно, могла перепутать, тут и возраст, и постоянное ожидание пропавшей дочери, но Варенька! Варенька удивила меня даже более нехарактерным для нее поведением. Ранее она не улыбалась.

С тех пор я стал замечать за Варенькой странные игры. Она выходила из свойственного ей оцепенения и начинала игру, как будто играла с кем-то.

На фотографиях для Вареньки часто появлялась Ма-

рюшка, хотя я готов поклясться, что во время съемки никакой девочки рядом не было.

Варенька ожила, повеселела и тянет меня на берег Качи делать наши фотографии. Последний раз печатая фотографии, я заметил на берегу легкий знакомый силуэт. Лизонька? Я хочу проверить свои догадки. И собираюсь с Варенькой сходить к реке.

У меня, как видите, друг мой, много вопросов. И боюсь, без вашей помощи мне не справиться.

Жду вас с нетерпением. Ваш друг Владимир Л-цкой.»

Дата и подпись были неразборчивы.

Дети сидели, раскрыв рты. Мы стали перебирать фотографии и искать на них девочек.

Внизу лежал дневник деда.

11 августа 19... года

По просьбе моего молодого друга Владимира я приехал к нему в Кр-ск. Отец его Владимир Владимирович рассказал мне о состоянии сына и вызвался сопровождать меня в Солонцы. К обеду мы прибыли на место. В доме были только Аполлинария Александровна и кухарка Нила. Аполлинария Александровна поведала нам историю, частично знакомую мне из письма Владимира. Она была встревожена и взволнована происходящим. Оказалось, что после завтрака Владимир и Варенька пошли на берег Качи, где Владимир, как он думал, видел Лизоньку. Мы с Владимиром Владимировичем

отправились на их поиски.

Обошли все село, прошлись по берегу, где любили бывать Владимир и Варенька, но никаких следов их не нашли. Жители села и полиция прочесали каждый закоулок, но все тщетно. Владимир Владимирович в отчаянии ходил по берегу Каши и звал детей. Поиски этого дня ничего не дали.

12 августа 19... года

Я перебирал фотографии Владимира. На них действительно много изображений девочки. Есть фотографии Вареньки и, по утверждению Аполлинарии, Марьюшки. На снимках девочки вместе, иногда нет. Последние снимки не такие четкие, как раньше, как будто он небрежно проявил пленку. На берегу реки Марьюшка и расплывчатый силуэт молодой девушки. Эта фотография отличалась от других. Марьюшка улыбалась.

13 августа 19... года

Наши поиски ни к чему не приводят. На берегу найдена камера Владимира. Я аккуратно проявляю пленку. Скоро я смогу увидеть, что фотографировал Владимир перед исчезновением.

14 августа 19... года

Пленка готова. Приступаю к печати. Варенька и Марьюшка играют на берегу. Девочки бегают и смеются. Сле-

дующая – фотография прекрасной молодой девушки, она сидит на траве, улыбаясь, смотрит в объектив. Неужели это Лизонька? И последний кадр: Владимир с Лизонькой и девочками на залитом солнцем берегу улыбаются, сидя вместе на траве. Прекрасный кадр. И фотография получилась отменная. Яркий живой снимок.

Будто молодая пара отдыхает у реки летним днем с дочками-погодками.

Но как? Кто мог сделать этот снимок?

17 августа 19... года

Поиски пока результата не дали. Владимир Владимирович уехал в Кр-ск к семье. Я остался с Аполлинарией. Ей необходима поддержка и участие. Я руковожу поисками Владимира и Вареньки в Солонцах.

Я выхожу с камерой Владимира и фотографирую все, что фотографировал он, в надежде напасть на след.

20 декабря 19... года

Поиски ничего не дали. Владимира и Вареньку не нашли. Фотографии я сложил в сундук. Мне жаль, но мои попытки при помощи фотографии найти след Владимира и Вареньки ничем не увенчались. Мои снимки были обычными. Ни Марьюшки, ни Лизоньки, ни Владимира с Варенькой на них не проявлялось. Я обошел все места, что были на фотографиях Владимира. Прошел много километров по берегу Качи.

Никаких следов.

С сожалением должен признать, что не нашел ответ этой таинственной загадки. Я прекращаю поиски и все материалы отправляю на чердак.

Да, есть одна хорошая новость: я сделал Аполлинарии предложение руки и сердца, и она была столь любезна, что ответила мне согласием.

На этом дневник деда обрывался. Дети сидели с горящими глазами, я и сам, признаться, был взволнован.

– Вот это да... у нас теперь есть своя семейная тайна.

По восторженным лицам детей я понял: нам обеспечены интересные и беспокойные каникулы.

Котенок

Виктория Данген

Как зарождается зло? В роковую ли минуту решения или медленно созревая? И можно ли предотвратить его, почувствовать только что зарождающуюся беду? Я давно ищу эти ответы и не нахожу их... Иногда мне думается: вот вспомню всё, каждое мгновение, и я обязательно отыщу этот момент. Эту точку невозврата.

I

Однажды мы зашли в гости к маминой подруге – Софочке Кривановской, ломаке и выскочке. Софочка (она не позволяла мне называть ее «тетя») встретила нас в шелковом пеньюаре, с босыми ногами и неизменным мундштуком. Она курила, пуская дым через крупную щель передних зубов, звонко смеялась и нервно взбивала на голове копну рыжих кудрей. Мама шумно, не стесняясь в выражениях, пересказывала ей свежие сплетни. Мама никогда не стесняется и мне запрещает испытывать это раболепное, как она говорит, чувство. А я не могу. Не могу не стесняться голых ног Софочки, ее бесстыдно выпирающей под тонкой тканью груди и тех подробностей, которых девочкам моего возраста знать не нужно. Иногда мне кажется, что внутри меня есть какой-то тонко настроенный прибор, своеобразный камертон, который издает неприятный звук, стоит мне столкнуться с безнравственностью. Я всегда слышу этот звук, когда захожу в комнаты Софочки.

Чтобы не раздосадовать маму своим смущением, я прогуливалась по квартире. Благо у маминой подружки страсть к роскошным вещам, и мне есть на что полюбоваться. В тот раз меня привлекла новая картина. Она просто не могла не привлечь мое внимание, чудо, как была хороша! На ней была изображена очаровательная семейка: мама-кошка и че-

тыре котенка играли развернутым веером под присмотром маленькой собачки. Я сразу окрестила собачку «Тетушкой», ее умная мордочка выражала обеспокоенность проделками пушистых сорванцов. Когда первый восторг от находки прошел, я заметила пятого котенка. Он не принимал участия в игре, а мирно спал, взгромоздясь на мягкий стул. Эта деталь картины так меня растрогала и взволновала, что я стала выискивать и других спрятавшихся котят. Я отходила и подходила к картине, наклоняя голову то к одному, то к другому плечу. Заметив мой интерес, Софочка подошла поближе.

– Что, нравится? – промурлыкала она.

– Очень! – честно призналась я.

– У тебя хороший вкус. Слышишь, Клара, – Софочка повернулась к моей маме и повысила голос, – у девочки есть вкус! Видишь ли, крошка, эта работа известной датской художницы. Она рисовала только с натуры и только животных.

– Только животных? – удивилась я. – И никаких людей? Никогда?

– Насколько мне известно, никогда, – немного подумав, заявила Кривановская.

В разговор вмешалась мама.

– Ирен, если Софочка говорит «никогда», значит, так оно и есть. Софочка из театральных, она прекрасно разбирается в искусстве.

Я потупилась, не зная, что ответить на мамино замечание, а между тем она продолжала:

– Картина и вправду изумительная. Сколько в ней правды жизни, сколько аллегорий. Добро и зло, – и мама поочередно указала на кошку и Тетушку, – жизнь и смерть, – последовал жест на играющих котят и уснувшего на стуле.

– Мама! – воскликнула я. – Неужели ты считаешь, что котенок на стуле мертв?

– Непременно мертв, – утвердительно кивнула мама, – иначе какой смысл писать картины с котятами? Ведь никакого драматизма в этом жанре нет! А вот завуалированно изобразить смерть – это настоящее искусство.

И мама засмеялась.

II

Всегда и во всем мама стремилась к божественному образу жизни. Ее привлекала сцена, актеры всех мастей и способностей, писатели, поэты, художники и певцы. Сама она не имела какого-либо ярко выраженного таланта, но тянулась к тем, в ком теплилась эта Богом данная искра. Ее увлечение уходило корнями в далекую юность. Мама любила театры, стремилась не пропустить ни одной премьеры и даже мечтала поступить в театральное училище. Но ее родители были категорически против. Приличной барышне не подобало демонстрировать себя. Да и по мнению деда, все актриски были явными или тайными кокетками. Кажется, именно этот запрет дал толчок к их непрекращающейся ссоре. Или, быть может, мое незаконное рождение... Мама никогда ничего мне не объясняла. Она не любила разговоров о моем появлении на свет, о моем отце; вроде как его не было и вовсе. Ведь это и есть настоящая свобода – быть независимой от чужого мнения. Свободу можно положить только на алтарь искусства. Ничто более не достойно этого великого дара: ни семья, ни общество, ни любовь, – так объясняла мне мама обширные пробелы ее биографии. Наверное, именно эта жажда свободы привела ее к увлечению футуризмом.

– Искусству тоже нужна свобода! – говаривала мама. – Вот увидишь, Ирен, будущее за футуристическими идеями!

Вместе с этим новомодным увлечением в нашей жизни стали фигурировать разные маргинальные личности: они дурно говорили, дурно себя вели, дурно выглядели, и искусство их было точно таким же, как и они сами. Помню одного маминого друга, скульптора-самоучку, по его уверению – непризнанного гения. Он сидел у нас в гостях, пил чай с вареньем, нес ужасную чепуху про дадаизм, а я тем временем сидела в углу и наряжала свою единственную куклу. Неожиданно скульптор подлетел ко мне, вырвал у меня из рук игрушку и одним резким рывком оторвал ей голову! Я даже ахнуть не успела, а он уже облил куклу недоеденным вареньем и воткнул вместо головы надгрызенное яблоко. Я растерянно посмотрела на маму, но она восхищенно захлопала в ладоши.

– Ирен, ты это видела? Вот это экспрессия! Это настоящий полет мысли и чувств! Мы с тобой стали свидетелями рождения настоящего творчества! Удивительно, просто удивительно! – Потом мама обратилась к скульптору и в ее голосе слышались нотки подбострастия: – Вы, мой друг, настоящий талант.

Скульптор самодовольно водрузил перемазанное вареньем тельце растерзанной куклы на обеденный стол и как ни в чем не бывало продолжил прерванный разговор. Я еще некоторое время постояла, переводя вопросительные взгляды со сломанной игрушки на маму и обратно, но, не найдя поддержки или хотя бы сочувствия, удалилась плакать

в спальню.

Новые мамины друзья говорили о вызове обществу, о переломе стереотипов, о смерти прежнего искусства. Но на самом деле это был звон пустых внутри людей, не наполненных чем-либо выдающимся, но беспрестанно мечтающих об этом, и их бурные разговоры больше походили на гром перекатывающихся пустых ведер. Жаждающие внимания, но не умеющие его привлечь достойным образом, они бросались из одной крайности в другую. Однажды мама привела меня на сборище этих субъектов. Дама, стриженная под мужчину, в мужском же костюме, плохо сидящем на ее рыхлой фигуре, декламировала стихи собственного сочинения, лишённые рифмы и малейшего смысла. Следом за ней вышел мужчина с уродливой зеленой розой в петлице и пять минут кряду брэнчал на рояле. Эта адская какофония была представлена публике как соната «Пластодендрариома» и вызвала шквал рукоплесканий. Затем выступала пара – мужчина и женщина в несвежем нижнем белье. Кажется, это была имитация танца, но в этом подобии было столько непристойности, что я зажмурила глаза.

После случая с куклой и шабаша художников я поняла, почему маму так привлекал футуризм. В нем отсутствовала главная составляющая любого настоящего искусства – талант. Не нужно быть одаренным человеком, чтобы портить и ломать. Все, что от вас требуется, – это капелька безумия. Или даже не капелька...

III

А потом в жизни моей мамы появился фотограф. Она привезла его из Кисловодска, куда уезжала поправить пошатнувшееся здоровье. Я же была оставлена на попечение тети Маши, жившей по соседству с нами и согласной на любую работу. Тетя Маша была дебелая женщина, невысокого роста, с натруженными, но ласковыми руками. Мне нравилось, как она тихо говорила, зевая, крестила рот, появлялась на деревенский манер косынку, прикрывая жиденькие пегие волосы, а еще часто и беспричинно вытирала руки о засаленный передник. Все это было так не похоже на тех женщин, что я знала. От тети Маши веяло уютом и спокойствием. Впервые в моей жизни появилось подобие распорядка. Пробуждение, прием пищи и отход ко сну происходили в одно и то же время и всегда сопровождались неременной молитвой. И пусть еда была однообразной и бесхитростной, зато сытной. Одежда моя была залатана, тщательно постирана, а по воскресеньям меня купали в нескольких водах, предварительно натирая до красноты колючим шерстяным носком. Тетя Маша называла мою мать «непутевой», а меня «сироткой», но делала это мягким необидным голосом. Через две недели жизни без мамы я округлилась, посвежела, а на моих впалых щеках заиграл румянец. Тетя Маша иногда с улыбкой говорила: «Так-то будет получшее. А то не девка,

а выпры!». Что такое выпры, я не знала, но понимала, что это нечто неприглядное.

Моя безмятежная жизнь закончилась с появлением мамы и ее очередного гения. Мама светилась от счастья, и, к слову сказать, новый приятель произвел на меня впечатление. Он был одет невероятно изысканно. На его узкоплечей фигуре красовался удлинённый приталенный пиджак с четырьмя карманами – два на груди и два ниже талии; широкие коричневые штаны спускались чуть ниже колен и заканчивались, как мне показалось, манжетой, а клетчатые гольфы обтягивали ноги и завершали необычный ансамбль. От мужчины приятно пахло хорошим табаком.

– Ирен, познакомься, – это Вольдемар, он фотохудожник!

По тону матери и лихорадочному блеску в ее глазах я поняла, что этот кумир протянет дольше предыдущих.

– Вольдемар – великий реформатор, – продолжала мама, не сводя обожающего взгляда с кавалера. – Он первый изобрел синтез фотографии и живописи!

Мужчина молча выслушал мамины восхваления, достал трубку, набил ее душистым табаком и с удовольствием втянул в себя дым. Потом протянул мне руку и мягко ее пожал.

– Вольдемар. Очень приятно, маленькая леди.

Я смущенно кивнула и поспешила спрятать лицо в ладонях, хотя в этом не было никакой необходимости: мама не взглянула на меня ни разу за время первой встречи после долгой разлуки.

Жизнь вернулась в прежнее русло с небольшими изменениями. Кровать моя была безжалостно выдворена из спальни сначала в гостиную, а после в коридор, так как старые друзья любили засиживаться до утра и вести шумные споры. Мама, и прежде не уделявшая мне достаточного внимания, совершенно перестала меня замечать, стараясь проводить больше времени с новым любовником. И я опять вспомнила забытое чувство голода. Бывало, всё, что я получала на завтрак, – это стакан воды и ничего больше. Мама объясняла, что мы должны потерпеть: ведь скоро талант Вольдемара станет очевидным всем и каждому. Пока же работы его продавались крайне плохо: выставки, организованные на последние семейные деньги, посещали все те же дружки-футуристы, но, кажется, и они не находили его фотографии занимательными. Сюжеты фоторабот Вольдемара хоть и были постановочными, но несли в себе больше реализма, нежели футуризма. В них было маловато любимого мамой абсурда, зато встречалась печальная лирика, грусть и даже – философия.

Кто принес в наш дом этот страшный альбом? Теперь уже и не вспомнить... Наверное, один из маминых друзей. Альбом был обтянут толстым кожаным переплетом с золотыми уголочками, внутри него на лиловом картоне были клеены репродукции старинных картин вперемешку с фотопортретами людей. Поначалу этот альбом показался мне бессмысленным набором картинок. В нем были репродукции как из-

вестных художников, так и совсем мне неизвестных. Я узнала «Офелию» Милле и несколько других встречавшихся ранее полотен, но большая часть работ была мне незнакома, а некоторые фотографии и вовсе были непонятны. Мужчины, женщины и дети в немодных одеждах со странным выражением безразличия ко всему взирали с пожелтевших карточек.

– Это, Ирен, «Альбом Смерти», – пояснила мама. – В нем заботливо и тщательно собраны свидетельства великой тайны человечества!

И тогда-то я поняла, что все репродукции имеют одну общую тему – на них изображена смерть! В образе ужасного скелета с лохмотьями оставшейся плоти или в безжизненном теле прекрасной девы в роскошном платье, медленно плывущей по воде. Сюжет был один, и героиня этого сюжета была страшна и неотвратима для каждого из живущих.

– Мама, а кто эти люди на фотокарточках? – спросила я.

– Это мертвецы, – спокойно ответила мне мама. – Не так давно это было крайне модно – запечатлеть умершего родственника на память.

Я была потрясена. Вот откуда этот безразличный взгляд стеклянных глаз! Они видели перед собой нечто более величественное, более совершенное – безвременье. Не моргая, они смотрели на нас из фотографического окна потусторонней жизни. Меня охватил ужас: нарядные младенцы в люльках, нежные невесты, строгие мужчины и женщины, –

все они были мертвецами, по чьей-то злой шутке поднятыми из вечного сна, чтобы наблюдать мирские заботы. Я с отвращением отшвырнула мерзкий альбом и больше никогда не притрагивалась к нему. Мама же, наоборот, была словно очарована им. Она с увлечением рассматривала картины и фотокарточки, каждый раз подмечая все новые и новые детали.

– Вот, милый, смотри! Видишь, детишки на стульях? А за самым маленьким, – вот же, смотри! – чья-то голова, покрытая драпировочной тканью. Наверное, это живой родственник.

И Вольдемар, заражаясь маминым возбуждением, тоже принимался рассматривать чудовищные фотокарточки.

– В этом что-то есть, – приговаривал мамин любовник. – Поэтично-мрачное, манящее своей неизведанностью.

Однажды он принес с улицы дохлую дворнягу, мама с энтузиазмом помогала ему составлять композицию. Псину положили на коврик, пододвинули тарелку с едой, мама лично поставила рядом домашние тапочки. Получалось, как будто собака уснула...

Фотография дохлой дворняги имела большой успех у знакомых футуристов, и Вольдемар был провозглашен «Первым фототанатологом» – соединителем художественной фотографии и самой смерти. Ему рукоплескали, говорили восторженные слова, а мама перестала называть его по имени и теперь обращалась к нему не иначе, как «мой Гений».

Как зарождается зло? Где проходит эта тонкая грань между гениальностью и сумасшествием? Между прекрасным и богомерзким? Возможно, это безликое создание, которое они называли фототанатологией, просто требовало жертвы, как всякое великое искусство.

Я помню до мелочей то серое пасмурное утро, когда мама попросила меня попозировать для дяди Вольдемара. Как она умывала меня, приглаживала волосы щеткой, как помогала надеть единственное нарядное платье, а я украдкой вдыхала запахи ее духов и пудры, наслаждаясь минутами близости с ней. Как она зашла за стул, на котором я сидела, чтобы поправить сбившуюся набок шляпку. Как накинула мне на шею свой чулок и изо всех сил затянула его. Взревел фотоаппарат, ослепительная вспышка, легкие охватило огнем, и – черный водоворот неумолимо втягивает меня, унося все дальше от жизни – вниз, вниз, вниз...

Красота смерти преувеличена живыми. Теперь я это знаю.

Разговоры с Элизабет Екатерина Зорина

*Элизабет, Лиззи, Бэтси и Бэсс
Весною с корзинкой отправились в лес.
В гнезде на березе, где не было птиц,
Нашли они пять розоватых яиц.
Но всем четверым по яичку досталось,
И все же четыре на месте осталось.*
(Английская загадка – перевод С. Я. Маршака)

Красноярск, 1 июня 1906 г.

Разговор первый

Первый раз Костик увидел ее на подоконнике старого склада. Отец занимался торговлей, и сначала товар привозили сюда. Незнакомая девочка с ногами залезла на окно и смотрела во двор. Рядом лежали шляпа со смешным пером и зонтик-трость. Она была как будто немного младше его – лет десяти, наверное.

– Эй, ты что здесь делаешь? Тебя кто пустил?

Девчонка оглянулась, хмуро глянула на него темными глазами и снова уставилась в окно. Черт знает что такое.

– Дочка чья-то? Как тебя зовут? – мальчик уселся рядом

и начал с хрустом жевать яблоко. Капли сока летели во все стороны. Молчуня поморщилась.

– Ты чего это? Того? Немая?

– Да что ж ты пристал-то ко мне?! Липучий, как смола!

Иди куда шел!

– Сюда и шел. Ты вот тут сидишь, а лето мимо проходит.

Так как зовут-то?

– Ну, наверное, Элизабет. Скорее всего...

– Элизабет? Чудно как-то... Лиза, значит? А я Костик.

Ой, то есть Константин, и не какой-нибудь, а Михайловский. Папу в городе все знают. Пойдем на улицу, огрызок выброшу.

Девчонка нехотя слезла:

– Мне нельзя далеко уходить. Иначе конец.

Она поправила складки платья.

– Выпорют?

Во дворе пригревало июньское солнце. Они уселись на бревно и стали кидать камушки в жестяную банку. Перед каждым броском Лиза откидывала длинную косу назад.

Костик рассказывал о гимназии, девочка – смешные истории: то о кошке, то о птичке. И так у нее складно получалось, как будто стихи.

– Может, сегодня он не сможет, – вдруг обронила она.

– Что?

– Да нет, ничего. А ты как думаешь, ты герой?

– Конечно, герой! – Костик приосанился и попал прямо в пустую звонкую середину банки. – Я прошлым летом нашу Жучку из канавы вытащил. Чуть она там не погибла.

Канавы была не очень глубокая, да и Жучке ничего не угрожало, но Костику очень хотелось произвести на девочку впечатление.

Лиза замерла.

– А секреты умеешь хранить?

– Спрашиваешь.

Девочка было открыла рот, чтобы сказать что-то еще, но вдруг резко выпрямилась, схватила шляпу и зонт. Костик вскочил.

– Ну вот и все, он опять близко, – девочка испуганно стала озираться по сторонам.

– Кто близко?

Она повернулась к Костику:

– Сейчас будет плохо.

То, что произошло дальше, Костик запомнил навсегда. Лиза начала бледнеть, превратилась в черно-белый силуэт, а потом и вовсе растворилась в воздухе. В последний миг она решительно и сурово смотрела куда-то вдаль.

– Мама! – закричал мальчик что есть мочи. Ноги подкосились, и он упал.

– Странно, – Нестор Ильич, семейный доктор, был очень обеспокоен, – такая тяжелая лихорадка и в начале лета.

Костик проболел две недели, бредил.

Красноярск, 15 августа 1906 г.

Разговор второй

Снова они встретились в августе.

Лиза лежала посередине просторного пустого помещения, закинув руки за голову. Костик застыл в дверях.

– Привет.

– Лиза? – голос дрогнул.

Костику ужасно хотелось убежать, но любопытство перебило. Да и выглядела она совершенно обычно, разве что платье-накидка запылилось и красная лента в волосах стала серой. Костик с опаской приблизился.

– Лиза? А ну да, – она села. – Я не знаю, сколько у меня времени, поэтому слушай внимательно. Ты говорил, что ты герой? Они всегда побеждают. Помоги мне. У вас в доме много книг?

– Да, очень: отец хочет открыть свой магазин.

– Найди меня!

– Я не понимаю!

– Ну что непонятного – найди книгу!

– Да что ты мелешь! Можешь объяснить нормально? Какую книгу?

– Если бы я знала, не спрашивала бы. Там должна быть я – девочка с зонтиком и шляпой, и вот смотри – на шляпе перо. Рисунок, понимаешь? Только я не главная героиня, поэтому ищи в сторонке, вдалеке. Он убивает меня – не знаю, сколько

еще ему потребуется. Может, уже последний раз.

– Да кто он-то?

– Бедный Художник. Так говорят. Раньше он создавал чудесные картинки. Любил, радовался, был очень талантлив. А потом... Он увидел невероятно прекрасное чужое творение... Понял, что у него никогда не выйдет ничего подобного. И теперь не может смириться. Ищет самые лучшие, «живые» образцы и забирает себе. Если рисунок запал в душу – не отступится, будет пытаться заполучить его снова и снова, чтобы люди не смогли увидеть дар соперника. Быть единственным владельцем маленького шедевра – странное болезненное наслаждение. Он одержим: картинка должна оказаться у него, должна перестать существовать для других.

– Слушай, а ты точно не того? Ну не больная?

Лиза закатила глаза.

– А ты?! Это тебе девочки мерещатся, а не мне!

– Получается, все картинки могут разгуливать, где хотят? Что-то я конька-горбунка нигде не встречал.

– Нет! Я не все могу объяснить! Надо скорей... Книга – целый отдельный мир: сказочные замки, великие битвы, верные возлюбленные – везде по-разному. Но даже до самого яркого видения нельзя дотронуться рукой, вдохнуть запах, ощутить вкус. Герои всегда будто за стеклом. Вы видите лишь то, что написано, иногда чуть больше. Последняя страница, и все – история закончена, а мы, персонажи, продолжаем жить. Когда и почему открывается дверь и миры пере-

секаются – не знаю. Но так было и будет. Художнику это известно, он ждет момента, чтобы выследить добычу. Один раз появилась – и ничего не произошло. Тебя не было. Я погуляла во дворе с Жучкой и вернулась. Кажется, здесь прошло часа два – у нас мгновение. Жарко очень было. У него не вышло меня поймать.

– А почему «бедный»? Разъезжать повсюду у него есть деньги?

– Потому что его очень жаль. Зависть такое черное чувство. Ревность к чужим успехам разъедает душу изнутри. Каждый день он думает лишь о том, что хуже других. Ест, спит с одной мыслью: найти доказательства своей никчемности и уничтожить. Говорят, все близкие отвернулись от него. Художник увяз между вымыслом и былью: ему неинтересно среди людей, а среди рисунков невыносимо. Ты представляешь, что это за жизнь? Костя, опять...

Лиза смотрела зло, с ненавистью. Она готовилась к встрече с врагом.

Костик уже не падал в обморок. Было очень страшно. Лиза растворялась, как будто умирала: просвечивали штрихи-прожилки. Светлая кожа исчезала слоями. Облик выцветал, сгорал. Оставался только взгляд – чужой, холодный.

Он побежал к отцу и попросил достать детские книги. Изумленный Иван Николаевич принес все, что было. Библию Костик отложил сразу: девочку в таком наряде там точ-

но не встретишь, в русских сказках тоже. В новой красивой азбуке не нашлось ничего подходящего. В детских журналах Лизы не было. Он даже мамины книги о моде посмотрел – не то. Откладывал, перелистывал... с каждым днем надежда таяла. В другой раз Костик уже давно бы сдался, но тут почему-то не мог. В ушах стоял Лизин голос: «Костя, опять!». Как будто ей было очень больно. В поисках и метаниях прошел месяц.

– Пап, нового ничего нет?

– Ты как чувствуешь. Я как раз сегодня нашел кое-что особенное. Занятная штука – приехала еще в начале лета из Петербурга, да вот затерялась между томов. – Иван Николаевич вытащил из портфеля небольшую зеленую книжицу, протянул сыну.

Костик понял: это она. Буквы на обложке были иностранные, на иллюстрациях дети, похожие на Элизабет, – в костюмчиках с панталонами, бантами, платьями. Ему не терпелось остаться одному.

– Спасибо, спасибо, папа. Мне срочно... – мальчик серьезно глянул на отца и быстро поднялся к себе.

Иван Николаевич снял пенсне и вздохнул: когда же Косточка успел так вырасти, возмужать. Раньше схожесть с матерью – большие серые глаза, пушистые ресницы, слегка удивленный разлет бровей – придавала облику сына мягкость, даже женственность. Теперь же черты лица заостри-

лись, короткая стрижка добавила возраста. Не во внешности, но в жестах и повадках, Иван Николаевич стал узнавать себя.

В комнате Костя сел за стол – дело серьезное. Приготовил бумагу и чернила. Английский язык. С ходу понять сложно. Внимательно просмотрел каждую страницу. Еще раз и еще...

– Ничего себе! – воскликнул он и заскрипел пером.

Красноярск, 27 сентября 1906 г.

Разговор третий

Костик ждал, нервничал, ходил повсюду. Если он все правильно понял, Лиза будет сегодня. А если нет? Если он уже убил ее. Если...

Лиза медленно отворила дверь. Она всегда появлялась здесь, на складе. Совсем серая, лента в волосах – черная, темные круги под глазами. Как будто стала меньше. Он бросился к ней.

– Лиза! – взял под руку. – Я нашел! Я нашел тебя. Книгу твою! Теперь все будет хорошо.

– Нашел? Правда? И что там? Есть обо мне?

– Да! Есть. И даже где ты главная героиня. Но знаешь что самое удивительное? Ты там почти везде! Вот видишь? Загадка, пословица, а вот ты, тут крупно, и перо видно. Далеко, близко, в уголке. Только два рисунка без тебя. И посмотри, на каждой странице дата. Видишь? Тут – за деревом, я даже не сразу заметил. Наверное, числа, когда картинка была закончена. И знаешь что? Даты совпадают с датами твоего появления!

– Две без меня? Сколько всего рисунков?

– Пять.

– Значит, осталось три? Три появления, а дальше я попаду в его жуткий альбом.

– Какой альбом?

– Я поняла, как он нас убивает, видела. Оружие... Он наводит огромный черный зрачок куда-то вдаль, а потом раз – и меня засасывает в темноту. Получается оттиск, отпечаток. Я исчезаю из книги и появляюсь на других, жестких карточках, я уже чувствовала себя там. Так серо... холодно, странный, страшный альбом с уже замершими иллюстрациями, в которых больше нет жизни. Собирает свою уродливую коллекцию любимых картинок. Только там нет ярких красок, там рисунки застывают навсегда.

– Это же фотоаппарат! Просто фотоаппарат. Штука странная, конечно, но ею нельзя убить.

– Как ты не понимаешь, это не просто фотоаппарат, в нем есть неведомая сила. Жуткая машина выдирает меня с корнями из любимых страниц, просто стирает из книги. Еще немного, и я совсем пропаду.

– Успокойся, я выписал все даты, они идут по порядку: с начала лета до конца сентября. Зимних нет. Твои появления скачут: первый раз мы встретились в июне, второй – в середине августа. Сегодня двадцать седьмое сентября, третий раз. В книге осталось две даты: семнадцатое июля и второе сентября. Мой день рождения! Но эти дни уже прошли! Как он сможет теперь тебя достать? И почему он их пропустил? ...А ты? Ты помнишь?

– Да, кажется, я была здесь. Пару часов по вашему времени. Как тогда с Жучкой. Никого не было. Все как в тумане. Но плохого не случилось: ждала, боялась, но не случилось.

Вернулась домой.

– Второе сентября? Да, мы уезжали. Если бы я знал! Книжка-то у меня совсем недавно. Получается, дело не только в датах. Иначе бы мы уже не разговаривали. Вспомни, где ты оказываешься, когда он тебя фотографирует?

– Всегда по-разному. Обычно светит солнце. Запомнила мост. Огромный. Весь из перекладин, но очень красивый – как кружево. Я была так высоко. А потом очень больно, и все замирает – не могу двигаться, иголки колют изнутри.

– Мост? Железнодорожный? Постой, постой. – Костик быстро перелистывал страницы. – Вот здесь тоже нарисован мостик через реку. Тебя уже нет. Значит, он ищет похожие места, как в книге. Где ты оказалась второй раз?

– Не помню, красивое здание. С колоннами.

– Театр? Вот посмотри, здесь тоже красивый дом нарисован с колоннами. Значит, два раза он угадал. Сейчас он тоже ищет место, и получается у него такая же книга... но почему ты появляешься всегда здесь? Ладно, нам надо бежать.

– Куда?!

– Как куда? У него осталось три попытки, сегодня он будет ходить по городу и фотографировать. Искать тебя. Посмотри. Что это, ярмарка? Сколько всего! И в считалочке что-то про покупки. Послушай! Это Торговый дом. Он один такой большой в городе. Бежим!

– Но что ты сделаешь?

– Там разберемся.

Костик схватил Лизу за руку, и они помчались. Он знал короткий путь, через дворы. Девочка не могла бежать быстро. Мешало платье.

Вдруг прямо перед носом в переулке вырос забор. Дорога в обход заняла бы слишком много времени, а что если Художник уже там? Костик сцепил руки в замок и присел.

– Вставай. А там перехватись как-нибудь.

Лиза сунула ножку ему в ладони, обхватила за плечи и попыталась выпрямиться, чтобы зацепиться за край. Лихо оседлала дощатый забор. Костик перекинул шляпу и зонт, подтянулся и через секунду был на другой стороне.

– Прыгай! Поймаю тебя.

Лиза прыгнула.

Она растаяла прямо у него в руках. Так близко. Лицо исчезало, тонкая кожа рассыпалась, как пепел. Костик почувствовал холод и те самые иглы. Кисти онемели.

Не успел. Слезы потекли сами собой, хотелось домой, укрыться с головой одеялом или уткнуться маме в колени. Он вытер глаза рукавом и побежал... К Торговому дому купца Гадалова.

Художника заметил сразу, тот собирал треногу, упаковывал фотоаппарат. Худой, высокий, в очках, с длинными светлыми волосами. Он улыбался сам себе, своим мыслям. Костику хотелось подбежать и ударить: встряхнуть из него Элизабет. Но мальчик решил, что не должен раскрывать себя. Пусть тот не знает. Еще не все потеряно. Еще два появления.

И тут до Костика дошло: новая встреча произойдет в следующем году!

Мальчик весь день следил за Художником: прятался, ждал. Тот обошел весь город, останавливался около церквей, фотографировал. Вечером заехал в гостиницу, собрал вещи и сел в поезд.

Красноярск, 17 июля 1907 г.

Разговор четвертый

Прошел год. Костик готовился: перевел и выучил наизусть стихи, поговорки, потешки. Он усердно учился, уделял внимание чтению и иностранным языкам. Родители и радовались, и волновались: из дурашливого беззаботного ребенка сын постепенно превращался в сосредоточенного юношу.

На картинке, датированной 17.07, дети играли в крокет на фоне церкви, значит, объектом фотографии станет храм. Элизабет стояла рядом с открытым зонтиком: пряталась от солнца. Теперь Костик понимал, почему Художник выбрал именно ее. Девочка отличалась от остальных нарисованных детей: казалось, она вот-вот заговорит, все детали – лицо, волосы, костюм – были очерчены тщательно, с любовью. Костик даже родинку на щеке заметил. Лента в волосах немного распустилась, перо на шляпке будто покачивалось на ветру. Часто он представлял, как закрывает книгу, а Лиза внутри смеется и кричит что-то маленькому брату. Молоточки стучат по шарам. Как она там? В конце на развороте обложки он нашел чью-то подпись.

Мальчик много раз обошел город. Сравнивал здания с рисунком, выбирал, но где точно откроется волшебная дверь, не знал. Совпасть должно было два обстоятельства: время и место. Время известно: Лиза появлялась у них на складе около полудня, в то же время в определенной точке города

ее образ можно было поймать и упрятать в заточение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.